

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
УГОЛОВНОГО ПРАВА И
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

А. Г. Кибальник
И. Г. Соломоненко

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРОТИВ МИРА
И БЕЗОПАСНОСТИ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР

Теория и практика уголовного права и уголовного процесса

Иван Соломоненко

**Преступления против мира и
безопасности человечества**

«Юридический центр»

2004

УДК 343.8
ББК 67.408

Соломоненко И. Г.

Преступления против мира и безопасности человечества /
И. Г. Соломоненко — «Юридический центр», 2004 — (Теория и
практика уголовного права и уголовного процесса)

Исследование посвящено концептуальному пониманию системы преступлений против мира и безопасности человечества в уголовном праве России. В работе раскрыто содержание понятия «международный мир и безопасность человечества» как объекта уголовно-правовой охраны, изучена роль международного права в формировании системы преступлений против мира и безопасности человечества в УК РФ 1996 года, сформулированы общие принципы уголовной ответственности за эти преступления. В аналитических главах исследованы общие положения об ответственности, а также объективные и субъективные признаки конкретных составов преступлений против безопасности человечества (геноцида, экоцида), международного мира (преступления агрессии; публичных призывов к развязыванию агрессивной войны; незаконного оборота оружия массового поражения; нападения на лиц и учреждения, пользующиеся международной защитой) и военных преступлений (применения запрещенных средств и методов ведения войны; наемничества). Особое внимание уделено вопросам соответствия норм УК РФ предписаниям международного права в плане регламентации уголовной ответственности за преступления против мира и безопасности человечества. В книге использованы решения международных судов – послевоенных Международных трибуналов (в первую очередь, Нюрнбергского) и современных Международных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии. Издание рекомендовано преподавателям, аспирантам и студентам юридических вузов, практикующим юристам, а также всем интересующимся проблемами преступлений против мира и безопасности человечества.

УДК 343.8
ББК 67.408

© Соломоненко И. Г., 2004
© Юридический центр, 2004

Содержание

Уважаемый читатель!	7
Принятые сокращения	9
Предисловие	11
Глава I. Система преступлений против мира и безопасности человечества	13
§ 1. Международный мир и безопасность человечества как объекты уголовно-правовой охраны	13
§ 2. Роль международного права в формировании системы преступлений против мира и безопасности человечества в национальном уголовном праве	20
§ 3. Пределы уголовной ответственности за преступления против мира и безопасности человечества	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Алексей Кибальник, Иван Соломоненко
Преступления против мира и
безопасности человечества

© А. Г. Кибальник, И. Г. Соломоненко, 2004

© Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004

* * *

Уважаемый читатель!

Вы открыли книгу, входящую в серию работ, объединенных общим названием «Теория и практика уголовного права и уголовного процесса».

Современный этап развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства напрямую связан с происходящими в России экономическими и политическими преобразованиями, которые определили необходимость коренного реформирования правовой системы. Действуют новые Уголовный и Уголовно-исполнительный кодексы, с 1 июля 2002 г. вступил в силу Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

В этих законах отражена новая система приоритетов, ценностей и понятий, нуждающихся в осмыслении. Появившиеся в последнее время комментарии и учебники по данной тематике при всей их важности для учебного процесса достаточно поверхностны. Стремление познакомить читателя с более широким спектром проблем, с которыми сталкиваются как теоретики, так и практики, и породило замысел на более глубоком уровне осветить современное состояние отраслей криминального цикла. Этой цели и служит предлагаемая серия работ, посвященных актуальным проблемам уголовного права, уголовно-исполнительного права, криминологии, уголовного процесса и криминалистики.

У истоков создания настоящей серии книг стояли преподаватели юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Впоследствии к ним присоединились ученые Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербургского университета МВД и других вузов России, а также ряд известных криминалистов, обладающих большим опытом научных исследований в области уголовного права, уголовно-исполнительного права, криминологии, уголовного процесса и криминалистики.

В создании серии принимают участие и юристы, сочетающие работу в правоохранительных органах, других сферах юридической практики с научной деятельностью и обладающие не только богатым опытом применения законодательства, но и способностями к научной интерпретации результатов практической деятельности.

С учетом указанных требований формировалась и редакционная коллегия, которая принимает решение о публикации.

Предлагаемая серия основывается на действующем российском законодательстве о противодействии преступности и практике его применения с учетом текущих изменений и перспектив развития. В необходимых случаях авторы обращаются к опыту зарубежного законодательства и практике борьбы с преступностью, с тем, чтобы представить отечественную систему в соотношении с иными правовыми системами и международным правом.

Подтверждением тому служат вышедшие из печати работы Б. В. Волженкина, А. И. Бойцова, В. И. Михайлова, А. В. Федорова, Е. В. Топильской, М. Н. Становского, В. Б. Малинина, Д. В. Ривмана, В. С. Устинова, В. М. Волженкиной, Р. Д. Шарапова, М. Г. Миненка, С. Д. Шестаковой, И. Ю. Михалева, Г. В. Овчинниковой, О. Н. Коршуновой, С. Ф. Милюкова, А. Л. Протопопова, В. Г. Павлова, Ю. Е. Пудовочкина, В. П. Емельянова, В. П. Коняхина, Г. В. Назаренко, И. М. Тяжковой, А. А. Струковой, С. С. Тихоновой, А. В. Мадьяровой, М. Л. Прохоровой, Л. А. Андреевой, И. В. Александрова, Л. С. Аистовой, А. И. Бойко, Т. Б. Дмитриевой, Б. В. Шостаковича, А. И. Рарога, А. А. Сапожкова, Д. А. Корецкого, Л. М. Землянухина, Л. В. Головки, Л. Л. Кругликова, А. Д. Назарова, А. Е. Якубова, А. Н. Попова, С. В. Бородин, А. Г. Кибальника, Л. И. Романовой, А. И. Коробеева, Д. А. Шестакова, В. Д. Филимонова, И. А. Возгрина, А. А. Эксархопуло, В. В. Орехова и др., в которых анализируются современные проблемы борьбы с преступностью.

Надеемся, что найдем в Вас взыскательного читателя, если Ваша принадлежность к юри-
дико-образовательной или правоприменительной деятельности вызовет интерес к этой серии
книг.

Редакционная коллегия
Ноябрь 2003 г.

Принятые сокращения

Римский Статут — Римский Статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // A/CONF.183/9. Russian.

Устав Нюрнбергского трибунала — Устав Международного военного трибунала (Нюрнбергского) от 8 августа 1945 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1955. Вып. 11.

Определение агрессии — Определение агрессии как международного преступления от 14 декабря 1974 г. // Официальные документы ООН. Т. 1. Нью-Йорк, 1975.

Конвенция о геноциде — Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. № 12. Ст. 244.

Конвенция об апартеиде — Конвенция о пресечении преступления апартеида и наказания за него от 30 ноября 1973 г. // www.un.org/russian

Конвенция о воздействии на природную среду — Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду от 18 мая 1977 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 34. М., 1980.

I Женевская конвенция — Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 16. М., 1957.

II Женевская конвенция — Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море от 12 августа 1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 16. М., 1957.

III Женевская конвенция — Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 16. М., 1957.

IV Женевская конвенция — Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 16. М., 1957.

I Дополнительный Протокол — Дополнительный Протокол I от 8 июня 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. // Документ ООН/A/32/114. Приложение I.

II Дополнительный Протокол — Дополнительный Протокол II от 8 июня 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. // Документ ООН/A/32/114. Приложение II.

Конвенция о биологическом оружии — Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) оружия и токсинного оружия от 10 апреля 1972 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 31. М., 1977.

Конвенция о химическом оружии — Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении от 3 января 1993 г. // www.un.org/russian

Конвенция об обычных видах оружия — Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, от 10 апреля 1981 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1984. № 3. Ст. 50.

Конвенция о защите культурных ценностей — Гагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. № 3. Ст. 54.

Конвенция о наемничестве — Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников от 4 декабря 1989 г. // A/RES/44/34.

Конвенция о лицах, пользующихся международной защитой — Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, от 14 декабря 1973 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 33. М., 1979.

Проект Международного кодекса — Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества // Российская юстиция. 1995. № 12.

Предисловие

Уголовный кодекс России 1996 г. впервые определил в качестве своей задачи обеспечение мира и безопасности человечества (ст. 2). Соответственно закрепление в гл. 34 УК РФ системы преступлений против мира и безопасности человечества стало одной из основных новелл отечественного уголовного законодательства.

Формулирование составов этих преступлений произошло не на «пустом месте» – ему предшествовала более чем столетняя эволюция понимания необходимости юридической оценки самых страшных моментов человеческой истории. Этот процесс, начавшись с принятия Гаагских конвенций конца XIX – начала XX в., завершился тем, что к концу XX в. в международном уголовном праве были сформулированы составы преступлений против мира, человечности и военных преступлений. Признание приоритета международного права над правом внутригосударственным стало основой появления системы преступлений против мира и безопасности человечества в УК РФ.

Необходимость этого диктуется, к сожалению, не только конституционным предписанием. Реальная жизнь свидетельствует о том, что до благополучия в деле охраны международного мира и безопасности человечества в целом еще очень и очень далеко. Последнее десятилетие ушедшего века и первые годы века начавшегося наглядно показали, на какие ужасающие действия способны люди во всем мире, а не только в бывшей Югославии, Руанде, Афганистане, США или у нас в Чечне. Развитие цивилизации и сопряженный с ним научно-технический прогресс имеют своим следствием появление новых угроз, ставящих в опасность само существование цивилизации. И одним из средств борьбы с этими угрозами должно стать эффективное уголовное преследование лиц, совершивших преступления против мира и безопасности человечества.

Понятно, что национальный опыт правоприменения в этом плане невелик (например, к середине 2003 г. российскими судами было рассмотрено только одно дело о геноциде русского населения на территории Чечни во время ее «независимости» – хотя общеизвестные факты такого геноцида исчисляются десятками). По этой причине авторы не только оперировали «буквой» международных конвенций и соглашений, но также попытались выделить и систематизировать особенности квалификации преступлений против мира и безопасности человечества, отраженные в решениях послевоенных Международных трибуналов (в первую очередь, Нюрнбергского) и современных Международных трибуналов по Руанде и бывшей Югославии.

При написании данного монографического исследования авторы обобщили материалы, содержащиеся в ранее опубликованных ими работах.¹ Конечно, никто не ставил перед собой цели создать исчерпывающий труд, который ответил бы на все вопросы, связанные с квалификацией содеянного как того или иного преступления против мира и безопасности человечества, – этого в принципе сделать невозможно, так как эволюция права неразрывно связана с эволюцией всей человеческой цивилизации. Тем не менее надеемся, что представляемая книга вызовет благожелательный отзыв юридической общественности.

---

¹ В настоящей работе использованы материалы из следующих ранее опубликованных монографий авторов: Берко А. В., Кибальник А. Г. Применение запрещенных средств и методов ведения войны (2002); Вартамян В. М., Кибальник А. Г., Соломоненко И. Г. Уголовная ответственность за геноцид (2001); Кибальник А. Г. Современное международное уголовное право (2003); Кибальник А. Г. Преступление и ответственность в международном уголовном праве (2002); Кибальник А. Г. Введение в международное уголовное право (2001); Кибальник А. Г. Иммуниеты в уголовном праве (1999); Кибальник А. Г., Малахова О. В. Уголовная ответственность за агрессию (2003); Кибальник А. Г., Молибога О. Ю., Соломоненко И. Г. Уголовная ответственность за наемничество (2001); Кибальник А. Г., Соломоненко И. Г. Практический курс уголовного права России (2001); Кибальник А. Г., Соломоненко И. Г., Шибков О. Н. Принципы и нормы международного права как источники уголовного права (2000); Соломоненко И. Г. Исполнение приказа и его уголовно-правовое значение (2000).

Хотелось бы сказать слова особой признательности нашему научному руководителю – профессору Анатолию Валентиновичу Наумову – за помощь и поддержку авторов в их начинаниях.

С уважением, авторы.

Глава I. Система преступлений против мира и безопасности человечества

§ 1. Международный мир и безопасность человечества как объекты уголовно-правовой охраны

Появление в УК России самостоятельной главы о преступлениях против мира и безопасности человечества требует выработки обоснованного подхода к пониманию мира и безопасности человечества как объектов уголовно-правовой охраны на национальном уровне.

Однако вначале обратимся к источникам. Так, в VI Принципе международного права, признанном Уставом Нюрнбергского трибунала, в качестве международно-правовых преступлений указаны следующие:

а) Преступления против мира (планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений; участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеупомянутых действий);

б) Военные преступления (нарушение законов и обычаев войны и, в том числе, но не исключительно, убийства, дурное обращение или увод на рабский труд или для других целей гражданского населения оккупированной территории, убийства или дурное обращение с военнопленными или лицами, находящимися в море, убийства заложников или разграбление городов и деревень или разорение, не оправдываемое военной необходимостью);

в) Преступления против человечности (убийства, истребление, порабощение, высылка и другие бесчеловечные акты, совершаемые в отношении гражданского населения, или преследование по политическим, расовым или религиозным мотивам, если такие действия совершаются или такие преследования имеют место при выполнении какого-либо военного преступления, или преступления против мира, или в связи с таковыми).

Приведенный принцип международного права непосредственно зафиксирован в ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала. Таким образом, сразу после Второй мировой войны в международном праве преступления против мира и безопасности человечества стали рассматриваться в качестве «международных преступлений». В дальнейшем понимание термина «международные преступления» претерпело существенную эволюцию. Это обстоятельство обусловлено принятием большого количества конвенций, объявивших преступными деяния, традиционно считавшиеся «общеуголовными» преступлениями, наказуемыми только в соответствии с национальным правом (незаконный оборот наркотиков, фальшивомонетничество, «коррупция» и пр.).

Кроме того, начиная со второй половины XX в. принимаются международные акты, в силу которых стали расцениваться в качестве «международных» преступлений деяния, опасность которых проявилась с началом эпохи глобализации. Причем эти международные нормы предписывали установить преступность таких деяний в национальном уголовном праве (в первую очередь, это касается преступлений террористической направленности: угона самолетов, захвата заложников, актов «бомбового» терроризма и др.).

Тем не менее в новейших документах международного права продолжена традиция определения преступлений против мира и безопасности человечества, заложенная в решениях Нюрнбергского трибунала. Об этом свидетельствуют положения Римского Статута и Проекта Международного кодекса (в ст. 1 последнего читаем: «Преступления по международному

праву, определяемые в настоящем Кодексе, являются преступлениями против мира и безопасности человечества»).

В настоящее время в науке предложено немало классификаций международных преступлений.²

Остановимся на наиболее распространенных.

Так, И. И. Карпец считает, что существуют следующие группы преступлений международного характера: международные преступления (к которым относятся преступления против мира и безопасности человечества) и преступления международного характера.³ Аналогичная классификация выдвинута и В. П. Пановым.⁴

И. И. Лукашук и А. В. Наумов преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности объединили единым определением – «преступления по общему международному праву» (как они сформулированы в ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала), а остальные «международные» преступления обозначили как «конвенционные».⁵

В зарубежной доктрине также традиционным стало разделение международных преступлений на преступления против мира и безопасности человечества и «иные международные преступления» (*other international crimes*), при этом в первую группу включаются преступление геноцида, преступления против человечности, военные преступления и преступление агрессии.⁶

Объединение в одну группу преступлений против мира, преступлений против безопасности человечества (человечности) и военных преступлений вполне обоснованно – ведь именно они являются «самыми серьезными преступлениями, вызывающими озабоченность всего международного сообщества» (ст. 5 Римского Статута).

Международно-правовые акты обычно не раскрывают понимания «мира и безопасности человечества», констатируя, что преступления против этих интересов «относятся к самым тяжелым» (преамбула к Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 г.⁷).

Большинство отечественных авторов, характеризуя преступления против мира и безопасности человечества, ограничиваются простой констатацией того факта, что объектами этих деяний являются «общественные отношения» по обеспечению «всеобщего мира и всеобщей безопасности».⁸

Обратных примеров не так много. Так, Н. Ф. Кузнецова называет непосредственными объектами ряда преступлений против мира и безопасности человечества «основы мира, т. е. мирного взаимодействия государств при решении любых проблем, исключающего какое-либо насилие», «международные правоотношения в сфере соблюдения правил ведения войны или разрешения вооруженных конфликтов», «основы человечества и человечности, т. е. международного обеспечения безопасности национальных, этнических, расовых, религиозных групп».⁹

Г. В. Матусевич, справедливо говоря о том, что преступления против мира и безопасности человечества характеризуются исключительно высокой степенью общественной опасности, замечает: «Они способны причинить невосполнимый ущерб самим основам существования жизни на земле, так как объектом их посягательства являются не отдельные общественные

---

² Подробный анализ этих классификаций см.: *Целев В. Ф.* Международное сотрудничество государств в борьбе с преступностью. М., 2001. С. 73–87.

³ Международное уголовное право. 2-е изд. / Под ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1999. С. 121–125.

⁴ *Панов В. П.* Международное уголовное право. М., 1997. С. 53, 67.

⁵ *Лукашук И. И., Наумов А. В.* Международное уголовное право. М., 1999. С. 112.

⁶ См., напр.: *Kittichaisaree K.* International Criminal Law. Oxford, 2001. P. 67, 85, 129, 206, 226.

⁷ Ведомости Верховного Совета СССР. 1971. № 2. Ст. 18.

⁸ См., напр.: *Николаева Ю. В.* Преступления против мира и безопасности человечества. М., 1999. С. 5.

⁹ Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5 / Под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2002. С. 353, 366, 383.

отношения в той или иной сфере жизни и деятельности человека, общества, государства, а сама жизнь на земле, существование человечества или значительной его части».¹⁰

Как видно, определение объектов преступлений против мира и безопасности человечества в отечественной науке продолжает оставаться в русле «классического» определения объекта уголовно-правовой охраны как общественного отношения (отношений), защищаемых уголовным правом. Однако в настоящее время в российской доктрине уголовного права наметился своеобразный поворот в понимании объекта уголовно-правовой охраны, связанный с изменением концептуальных основ уголовного законодательства и его задач.

Так, А. В. Наумов доказывает позицию, согласно которой теория объекта преступления исключительно как общественного отношения «не срабатывает» в целом ряде случаев.¹¹ Таким образом, в уголовно-правовой теории наметился своеобразный поворот к пониманию объекта правовой охраны не только как общественного отношения в узком смысле этого слова, но и как реального блага, интереса.

Такое понимание объекта преступления, на наш взгляд, в большей мере соответствует новой иерархии объектов уголовно-правовой охраны, переоценка которых произошла в УК РФ 1996 г. Как известно, буква Уголовного закона гласит, что под охрану взяты «права и свободы человека и гражданина... мир и безопасность человечества» (ч. 1 ст. 2 УК РФ) как *самостоятельные ценности*, без обязательной их реализации в общественных отношениях как таковых – т. е. в отношениях нескольких (минимум – двух) субъектов уголовного правоотношения.

Разделяя данную позицию, отметим, что *непосредственным* объектом преступления должен считаться тот юридический интерес, которому изначально причиняется вред конкретным преступлением против мира и безопасности человечества либо создается угроза причинения такого вреда.

Полагаем, что юридическое понимание «мира и безопасности человечества» можно определить, исходя из анализа противоположных состояний человеческого общества и предписаний национального законодательства России. Последнее тем более позволительно, что действующее международное право допускает возможность признания положений национального законодательства в качестве «применимого права» (п. «с» ч. 1 ст. 21 Римского Статута).

Общеизвестно, что мир – это состояние, характеризующееся отсутствием войны. При этом неважно, объявлены военные действия *de jure* или нет: в соответствии с Определением агрессии, состояние международного мира имеет место при отсутствии военных действий *de facto*. Таким образом, *состояние мира* как охраняемое международным правом благо (интерес) представляет собой такое состояние, которое характеризуется отсутствием фактических военных действий между государствами (группами государств).

Соответственно теоретико-юридическим основанием для выделения категории преступлений против мира среди преступлений против мира и безопасности человечества является то обстоятельство, что *непосредственным объектом преступлений против мира признаются охраняемые общепризнанными принципами международного права и международным правом интересы соблюдения всеобщего мира и правил мирного урегулирования межгосударственных споров*.

Считаем, что в группу преступлений против международного мира необходимо включить деяния, посягающие на фактическое состояние мира, вне зависимости от того, нарушено оно или нет. Обычно в литературе говорится о том, что преступлениями против международного мира по УК РФ надо считать планирование, подготовку, развязывание или ведение

---

¹⁰ Уголовное право. Особенная часть. Т. 2 / Под ред. Л. Д. Гаухмана, С. В. Максимова. М., 1999. С. 485.

¹¹ Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1996. С. 147–149.

агрессивной войны (ст. 353); публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354); нападение на лиц или учреждения, пользующиеся международной защитой (ст. 360).

К данной группе преступлений необходимо также отнести разработку, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения (ст. 355 УК РФ), так как это деяние представляет собой потенциальную угрозу международному миру. Однозначно считать это преступление военным¹² вряд ли обоснованно – ведь военное преступление (как преступление против мира и безопасности человечества) может совершаться только в ходе реально идущего (а не потенциального) вооруженного конфликта, тогда как незаконный оборот оружия массового поражения возможен и в мирное время.

Юридическое содержание термина «безопасность» непосредственно определено в действующем федеральном законодательстве России. Так, ст. 1 Закона РФ «О безопасности» от 5 марта 1992 г. (в действующей редакции)¹³ указывает, что «безопасность» – это «состояние защищенности жизненно важных интересов... от внутренних и внешних угроз».

Прямое указание как международного законодательства, так и многих национальных уголовных законов (в том числе и УК РФ) на «безопасность человечества» заставляет под этим термином понимать состояние защищенности неопределенного круга лиц от любых угроз, посягающих на их жизненно важные интересы. Понятно, что перечень «жизненно важных интересов» человечества очень широк и вряд ли может быть сформулирован в законодательстве.

Но, исходя из целостного понимания преступлений против мира и безопасности человечества, определенных в международном и национальном праве, видно, что эти «жизненно важные угрозы» ставят в опасность физическое существование человечества в целом. Так, например, применение оружия массового поражения угрожает существованию неопределенного круга лиц вне зависимости от каких-либо их характеристик.

С другой стороны, безопасность человечества – это обеспечение жизнедеятельности той или иной демографической группы. Действительно, например, геноцид угрожает существованию расовой, национальной или религиозной группы людей.

Следовательно, представляется возможным ограничить понимание «жизненно важных угроз» теми, которые угрожают существованию человечества вообще или какой-либо его демографической группы (расе, национальности и пр.).

Таким образом, *безопасность человечества как охраняемый уголовным правом интерес (объект) представляет собой состояние защищенности человечества в целом либо демографических групп от угроз их физическому существованию, исходящих от субъектов уголовного права.*

При этом надо подчеркнуть, что безопасность человечества вовсе не связана с наличием либо отсутствием юридического состояния войны или вооруженного конфликта. Действительно, акты геноцида в основном имели место в период войн – как мировых, так и локальных. Но история знает примеры осуществления геноцида той или иной демографической группы и в период мира, и даже – эти деяния осуществлялись правящими кругами по отношению к населению собственной страны (Кампучия, Руанда и пр.).

Более того, в международном праве подчеркивается, что юридическая квалификация акта геноцида как преступления против безопасности человечества (человечности) никак не зависит от того, осуществлен ли он в мирное либо военное время, явился проявлением внешней или внутренней политики государства (ст. I Конвенции о геноциде).

---

¹² Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5 / Под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2002. С. 361; Уголовное право России. Часть Особенная / Отв. ред. Л. Л. Круликов. М., 1999. С. 772.

¹³ Российская газета. 1992. 6 мая.

Аналогично обстоит дело с экоцидом, расцениваемым, с одной стороны, как военное преступление в случае применения практики экоцида в качестве метода ведения войны (ст. 8 Римского Статута). С другой стороны, уже в преамбуле Конвенции о воздействии на природную среду указано, что преступно не только военное, но и «любое иное враждебное использование таких средств могло бы иметь чрезвычайно пагубные последствия для благосостояния людей». Таким образом, преступление экоцида может быть совершено в мирное время (вне рамок какого-либо вооруженного конфликта) и поставить под угрозу физическое существование неопределенного круга лиц.

Поэтому вполне допустим вывод о том, что преступления против безопасности человечества образуют самостоятельную группу преступлений против мира и безопасности человечества, к которой в уголовном законодательстве России следует отнести геноцид (ст. 357) и экоцид (ст. 358).

«Военные преступления» являются еще одной родовой группой преступлений против мира и безопасности всего человечества («преступлений по общему международному праву»). Исходя из положений международного права (в частности, Женевских конвенций 1949 г., Дополнительных Протоколов к ним, ст. 5, 8, 17, 20 и 21 Римского Статута), все преступления, определенные в международном праве как «военные», объединены следующими юридическими критериями:

1. Они посягают на установленный в международном гуманитарном праве порядок ведения вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера. Данный регламентированный порядок ведения военных действий в вооруженных конфликтах является составной частью интересов мира и безопасности человечества.

2. Соответственно перечень военных преступлений как преступлений против мира и безопасности всего человечества установлен в актах международного уголовного права, – и именно в этом видится разграничение предметов международного гуманитарного и международного уголовного права.

3. Общеуголовные деяния, совершаемые в рамках вооруженного конфликта и прямо указанные в актах международного права, приоритетно расцениваются как «военные преступления» в тех случаях, когда ответственность за их совершение вне вооруженного конфликта также установлена в международном праве. Говоря иными словами, причинение или угроза причинения вреда интересам безопасности человечества является основным признаком любого военного преступления по международному уголовному праву. При этом такое деяние должно иметь место *во время вооруженного конфликта* – т. е. либо при наличии фактического состояния войны между государствами, либо при внутригосударственном вооруженном конфликте. В противном случае деяния, содержащие признаки военных преступлений, должны быть квалифицированы как соответствующие преступления общеуголовного характера. Так, например, обстоит дело с пытками, «бесчеловечным обращением», захватом заложников, сексуальным насилием и пр.

Например, в одном из решений Международного трибунала по Руанде отмечалось, что «индивиды всех рангов, вовлеченные в вооруженный конфликт как в качестве военного командования, так и не в этом качестве... могут подлежать ответственности за совершение военных преступлений только в том случае... когда установлена связь между ними и вооруженным конфликтом...».¹⁴

Следовательно, теоретико-юридическим основанием для выделения категории военных преступлений среди преступлений против мира и безопасности человечества является то обстоятельство, что *основным непосредственным объектом военных преступлений призна-*

---

¹⁴ *Prosecutor v. Kayishema and Ruzindana*. Case № ICTR-95-1. 21 May 1999. § 175.

ются охраняемые общепризнанными принципами международного права и международным гуманитарным правом интересы соблюдения правил ведения вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера.¹⁵

В соответствии с предложенным определением основного объекта военных преступлений полагаем, что в УК РФ к ним следует отнести применение запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 356) и наемничество (ст. 359).

Выделение системы преступлений против мира и безопасности человечества основано на признании в качестве *родового объекта* этих преступлений интересов, а именно – обеспечения мира и безопасности всего человечества как такового. Мир и безопасность человечества являются одновременно и видовым объектом для отечественного уголовного права, так как гл. 34 и разд. XII УК РФ совпадают.¹⁶

На основе приведенных рассуждений полагаем, что под *интересами мира и безопасности человечества как родовым объектом национальной уголовно-правовой охраны надо понимать:*

– *интересы обеспечения мирного сосуществования государств и мирного разрешения межгосударственных споров;*

– *интересы обеспечения физического существования неопределенного круга лиц (человечества в целом либо демографических групп) от любых угроз, источником которых является человеческий фактор;*

– *интересы соблюдения правил ведения вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера.*

Если в основу классификаций преступлений против мира и безопасности человечества можно положить основной непосредственный объект посягательства, то, в свою очередь, позволительно говорить о существовании следующих видовых групп данных преступлений в уголовном праве России:

1) *преступления против международного мира*: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны (ст. 353 УК РФ); публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354 УК РФ); разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения (ст. 355 УК РФ); нападение на учреждения или лиц, пользующихся международной защитой (ст. 360 УК РФ);

2) *преступления против безопасности человечества* (преступления против человечности): геноцид (ст. 357 УК РФ); экоцид (ст. 358 УК РФ);

3) *военные преступления*: применение запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 356 УК РФ); наемничество (ст. 359 УК РФ).

О пределах квалификации. Полагаем, что совершение одним лицом (лицами) преступлений против международного мира, против человечности либо военного преступления всякий раз должно получать самостоятельную правовую оценку – т. е. данные деяния должны квалифицироваться по совокупности. Говоря иными словами, ни одно из указанных преступлений не может «поглощать» другое.

Основанием для такого вывода является признание соответственно интересов обеспечения международного мира, безопасности человечества, а также соблюдения правил ведения войны и вооруженных конфликтов в качестве основных непосредственных объектов преступлений против мира и безопасности человечества.

---

¹⁵ См. также: Адельханян Р. А. Военные преступления в современном праве. М., 2003. С. 51–52.

¹⁶ Господствующей в современной науке считается позиция, согласно которой родовой и видовой объекты преступления представляют собой те группы (комплекс) общественных отношений и интересов, в соответствии с которыми проведено деление Особенной части Уголовного кодекса соответственно на разделы и главы (см., напр.: Наумов А. В. Указ соч. С. 152–153).

Подобная позиция разделяется ведущими западными авторами, хотя основание разграничения преступлений против мира и человечности между собой они видят в другом, а именно в «контексте совершения» данных преступлений.

Так, по мнению М. Ш. Бассиони, термин «преступления против человечества» объединяет все зверства, совершенные в крупном масштабе. До некоторой степени преступления против человечности «смешиваются» с преступлениями против мира и военными преступлениями. Но преступления против человечности юридически отличны от военных преступлений: «они применяются не только в контексте “война”», «время войны и мира для совершения этих преступлений безразлично».¹⁷

Данное положение находит свое прямое подтверждение в решениях и деятельности современных международных военных трибуналов *ad hoc*.

Приведем пример из событий новейшего времени: так, обвинительное заключение в отношении бывшего президента Югославии содержит обвинения в преступлениях против человечности, а также отдельным пунктом – обвинение в агрессии и нарушении законов и обычаев войны.¹⁸

Таким образом, в деятельности Международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде формально разделяются понятия «преступление против международного мира», «преступление против безопасности человечества (человечности)» и «военное преступление», что нашло свое отражение в многочисленных судебных решениях.

---

¹⁷ *Bassiouni M. Ch. Crimes Against Humanity in International Criminal Law. 2nd edition. New York, 1999. P. 23–25.*

¹⁸ Сообщение ИТАР-ТАСС от 29 июня 2001 г.

§ 2. Роль международного права в формировании системы преступлений против мира и безопасности человечества в национальном уголовном праве

2.1. Международное уголовное право и преступления против мира и безопасности человечества по уголовному праву России

Появление в уголовном законодательстве России главы о преступлениях против мира и безопасности человечества заставляет обратиться к источникам, где впервые была сформулирована преступность данных деяний. Несомненно, что первоисточниками стали нормы международного права, которые в настоящее время формируют самостоятельную отрасль – международное уголовное право.

В большинстве работ авторы указывают на то, что нормы международного уголовного права регулируют сотрудничество государств и международных организаций в борьбе с преступностью либо с преступлениями, предусмотренными международными договорами.¹⁹

Действительно, в основополагающих документах международного права прямо говорится о необходимости «поддерживать международный мир и безопасность», для чего необходимо принимать эффективные коллективные меры для предотвращения либо устранения угрозы миру. Устав ООН от 26 июня 1945 г. прямо говорит о том, что данные цели осуществляются путем развития «международного сотрудничества в разрешении проблем экономического, социального и гуманитарного характера».

При этом рост преступности является одной из главных социальных угроз современности – угрозой, с которой в современном мире вряд ли может справиться одно отдельно взятое государство, пусть даже и наиболее сильное. Глобализация угрозы международной преступности отмечается подавляющим числом авторов, также как и необходимость всемерного сотрудничества государств, как субъектов международного права, в борьбе с ней.²⁰

В международно-правовых актах указывается, что основной задачей международного уголовного права является недопущение совершенных преступлений против мира и безопасности всего человечества. При этом предупреждение преступлений против мира и безопасности человечества должно расцениваться в контексте поддержания мирового правопорядка в целом.

«Мировой правопорядок» – понятие глобальное. В него включаются и обеспечение мира и безопасности человечества в целом, и всемерная охрана прав и свобод личности, и экологическая безопасность и т. д. В принципе, мировой правопорядок – это совокупность всех интересов, взятых под защиту всеми отраслями права.

С другой стороны, международное уголовное право преследует решение еще одной задачи – задачи всемерной *репрессии* лица, совершившего преступление. Действительно, без установления ответственности за совершение преступления само международное уголовное право потеряло бы всякий смысл. При этом большинство международных актов обязывают применять к лицу, виновному в совершении международных преступлений, самые «суровые», «эффективные» или «соответствующие» меры наказания.

---

¹⁹ См., напр.: *Панов В. П.* Указ. соч. М., 1997. С. 15.

²⁰ См., напр.: *Богатырев А. Г.* Международное сотрудничество государств по борьбе с преступностью. М., 1989; *Галенская Л. Н.* 1) Международная борьба с преступностью. М., 1972; 2) Сотрудничество государств в борьбе с преступностью. Правовые проблемы. Л., 1978; *Карпец И. И.* Международная преступность. М., 1988; *Панов В. П.* Сотрудничество государств в борьбе с международными преступлениями. М., 1993; и др.

Цели международного уголовного права достигаются при его непосредственном или опосредованном применении.

Непосредственное применение международного уголовного права означает, что соответствующая норма применяется национальным или международным судом самостоятельно, без каких-либо оговорок и ограничений.

Особенностью международного уголовного права является сравнительно малая возможность применения его положений непосредственно. Это обусловлено тем, что подавляющее большинство международных документов уголовно-правового характера требуют установить преступность того или иного деяния в национальном законе.

Подобная традиция была заложена в ст. V Конвенции о геноциде, предписывающей государствам-участникам для введения в силу ее положений «провести необходимое законодательство... в соответствии со своей конституционной процедурой». Такая формулировка впоследствии стала общепринятой – по своему существу, хотя и варьируясь от обязанности государств-участников просто «принять меры», необходимые для реализации положений той или иной конвенции, до прямого требования установить преступность и наказуемость деяния во внутригосударственном праве.

Таким образом, сами международно-правовые акты говорят о том, что главным способом достижения задач поддержания мирового правопорядка является установление преступности деяний (в первую очередь, против мира и безопасности всего человечества) в национальном уголовном праве – т. е. приоритетным становится применение соответствующих норм национального уголовного закона с соблюдением требований международного уголовного права.

Опосредованное применение норм международного уголовного права о преступлениях против мира и безопасности человечества характерно для большинства государств, в том числе и для России.

В соответствии с ч. 2 ст. 1 УК РФ, «кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права».

Исходя из буквального толкования данной нормы, в настоящее время большинство авторов считают международные договоры России источниками ее уголовного права,²¹ а это означает, что определение преступления в национальном уголовном праве должно расцениваться как соответствующее преступлению по международному праву.

Именно такое понимание соотношения двух правовых систем – международной и внутригосударственной – нашло законодательное оформление в конституциях большинства развитых государств,²² в том числе в ст. 15 Конституции России.

Представляется уместным рассмотреть процедуру, согласно которой международно-правовой акт воздействует на российский Уголовный кодекс. В Конституции РФ указано, что Основной Закон страны и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации (ч. 1 ст. 3), и сама Конституция относит к исключительному ведению федерального центра принятие и изменение уголовного законодательства (п. «о» ст. 71).

---

²¹ См., напр.: *Коняхин В. П.* Международный договор как источник российского уголовного права // Уголовное право в XXI веке. М., 2002. С. 152–159; *Наумов А.* О соотношении норм международного и уголовного права // Советская юстиция. 1993. № 19. С. 3–4; *Трущевский Ю. В.* Нормы международного права как источник российского уголовного права. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1995. С. 7–8; *Шибков О. Н.* Принципы и нормы международного права как источники уголовного права. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000. С. 9–11; и др. – По мнению авторитетных исследователей, признание за нормами международного права статуса источников национального уголовного права требует переосмысления общепринятой доктрины национального уголовного права и его соотношения с международным правом (см.: *Наумов А. В.* Преступления против мира и безопасности человечества и преступления международного характера // Государство и право. 1995. № 6. С. 57).

²² См.: *Лукашук И. И.* Конституции государств и международное право. М., 1998. С. 11–28.

В то же время общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются частью ее правовой системы. Конституция России, говоря об «общепризнанных принципах и нормах международного права» как части своей правовой системы, прямо допускает возможность коллизии между ними и федеральным законом. Причем это противоречие разрешается только в соответствии с международным договором Российской Федерации, т. е. тем нормативным актом международно-правового характера, который имеет юридическую силу для России.

В соответствии с Федеральным законом РФ «О международных договорах Российской Федерации» от 15 июля 1995 г.,²³ международный договор РФ тоже является частью правовой системы России (ст. 5).

Международный договор обретает обязательную для сторон силу вследствие присоединения к договору, ратификации договора, его утверждения либо самого факта заключения сторонами договора. Если международный договор не требует издания внутригосударственного акта для его применения, он действует на территории России непосредственно (п. 3 ст. 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»).

Уголовный кодекс является федеральным законом, и только в нем могут быть определены основания и пределы уголовной ответственности за совершенное преступление, а новые законы, устанавливающие уголовную ответственность, «подлежат включению в настоящий Кодекс» (ч. 1 ст. 1 УК РФ). Следовательно, изменение условий уголовной ответственности за то или иное деяние, предусмотренное международным договором РФ, требует их непосредственного включения в текст УК.

Такая ситуация должна разрешаться в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 15 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», определяющим, что любой международный договор, исполнение которого требует «изменения действующих или принятия новых федеральных законов, а также устанавливающий иные правила, чем предусмотрены законом», подлежит обязательной ратификации. Подобного рода международный договор действителен и обязателен для России только с момента его ратификации. А акт ратификации сам по себе является новым федеральным законом (ст. 14 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»).

В соответствии со ст. 6 Федерального закона РФ «О порядке опубликования и вступления в силу Федеральных Конституционных законов, Федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» от 14 июня 1994 г.,²⁴ ратифицированные международные договоры России вступают в силу по истечении 10 дней со дня их официального опубликования либо в соответствии со специальным порядком, указанным в самом законе.

Таким образом, федеральное законодательство устанавливает правило изменения норм самого Уголовного кодекса при вступлении в силу международного договора, регламентирующего вопросы уголовной ответственности (в том числе за преступления против мира и безопасности человечества).

Можно полностью согласиться с позицией судьи Конституционного Суда РФ О. И. Тиунова о том, что «нормы международного права, а также международные договоры России применяются Конституционным Судом России как инкорпорированные в национальное право нормы».²⁵

Следовательно, нормы российского уголовного права о преступлениях против мира и безопасности человечества (ст. 353–360 УК РФ) являются *имплементированными из соот-*

---

²³ Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 29. Ст. 2757.

²⁴ Там же. 1994. № 8. Ст. 801.

²⁵ Тиунов О. И. Конституционный Суд Российской Федерации и международное право // Российский ежегодник международного права. 1995. СПб., 1996. С. 180.

ветствующих положений международного уголовного права и имеют бланкетный характер. Иными словами, при определении преступности того или иного деяния УК РФ отсылает непосредственно к положениям действующего международного права.

Российский уголовный закон, определяя систему преступлений против мира и безопасности человечества, последовательно воспроизводит предписания соответствующих норм международного уголовного права об обязательности их имплементации в национальное уголовное законодательство.

Представим это в виде таблицы:

Норма УК РФ	Основные нормы международного уголовного права
Ст. 353 — Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны	Ст. 1–3, 5 Определения агрессии; Ст. 5 Римского Статута
Ст. 354 — Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны	Ст. 4 Определения агрессии
Ст. 355 — Разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения	Ст. 1–4 Конвенции о биологическом оружии; Ст. 1–2, 7 Конвенции о химическом оружии
Ст. 356 — Применение запрещенных средств и методов ведения войны	Ст. 8 Римского Статута; Ст. 3, общая для всех Женевских конвенций 1949 года; Ст. 11, 35–37, 51–54 I Дополнительного Протокола; Ст. 4 II Дополнительного Протокола; Ст. 7 Конвенции об обычных видах оружия
Ст. 357 — Геноцид	Ст. II–V Конвенции о геноциде; Ст. 6 Римского Статута
Ст. 358 — Экоцид	Ст. 35, 55 I Дополнительного Протокола; Ст. 1, 2 Конвенции о воздействии на природную среду
Ст. 359 — Наемничество	Ст. 47 I Дополнительного Протокола; Ст. 1–6 Конвенции о наемничестве
Ст. 360 — Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой	Ст. 1–4 Конвенции о лицах, пользующихся международной защитой

Как известно, в силу ч. 4 ст. 15 Конституции России, нормы международного права обладают приоритетом над положениями внутригосударственного права. В случаях, когда норма национального права противоречит международно-правовой норме, применению подлежит последняя.

Так, ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1963 г.²⁶ указывает на то, что государство-участник договора «не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания невыполнения им договора».

Приоритет норм международного права означает, что право каждого цивилизованного государства состоит из двух юридических систем: внутригосударственной юридической системы и международной юридической системы государства; а в случае конфликта преимущество отдается международному праву. Следовательно, нормы внутригосударственного права не только не могут противоречить нормам международного права, но скорее должны уточнять и обеспечивать реализацию требований международно-правовых норм.

Все вышесказанное можно резюмировать следующим образом: нормы международного уголовного права являются главным источником регламентации ответственности за преступления против мира и безопасности человечества по уголовному праву России. Через применение отечественного УК во многом должны достигаться цели самого международного уголовного права в плане предотвращения преступлений против мира и безопасности человечества и наказания за их совершение. Однако в случае противоречий при определении преступности деяния между нормой международного права и статьями гл. 34 УК РФ приоритетному (и непосредственному) применению подлежит норма международного уголовного права.

2.2. Международное уголовное право и преступления против мира и безопасности человечества по уголовному праву зарубежных государств

В конституционном праве зарубежных государств также общепризнанным является приоритет норм международного права над внутренним законодательством. Следовательно, уголовное законодательство этих государств в качестве источника имеет нормы международного уголовного права.

В странах континентального права обычным юридическим правилом считается включение во внутреннюю правовую систему вступивших для этих государств в силу международных договоров и обязательств.

Например, ст. 25 Конституции Федеративной Республики Германии устанавливает, что «общепризнанные нормы международного права являются составной частью федерального права», а также «они имеют преимущество перед законами и порождают права и обязанности непосредственно для лиц, проживающих на территории Федерации».²⁷

Подобное предписание содержится в ст. 96 Конституции Испании: «Законно заключенные и официально опубликованные в Испании международные договоры составляют часть ее внутреннего законодательства».²⁸

Наиболее четкая регламентация применения норм международного права как источников внутреннего законодательства характерна для Конституции Франции (ст. 55): «Договоры или соглашения, должным образом ратифицированные и одобренные, имеют силу, превышающую силу внутренних законов, с момента опубликования при условии применения каждого соглашения или договора другой стороной».²⁹

---

²⁶ Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

²⁷ Федеративная Республика Германия. Конституция и законодательные акты. М., 1991. С. 34.

²⁸ Испания. Конституция и законодательные акты. М., 1982. С. 63.

²⁹ Французская Республика. Конституция и законодательные акты. М., 1989. С. 43.

В странах системы общего права также существуют конституционные установления о том, что международное право является составной частью внутренней правовой системы.

Так, английская правовая доктрина обычно исходит из признания «существования общего согласия о том, что... международное право является частью права Англии». Более того, «все права, полномочия, обязательства, ответственность и ограничения, которые устанавливаются Договорами или возникают из них... должны применяться в Соединенном Королевстве без последующих законодательных актов и быть включены в его право». ³⁰

Такой международно-правовой документ в английской правовой доктрине получил название «самоисполнимого договора».

Однако применение во внутренней уголовной юрисдикции Англии и других стран общего права «самоисполнимого договора» на деле происходит несколько по-другому. Согласно наиболее распространенной доктринальной позиции, предоставление права определять, является ли международная норма частью права Англии, отдано английскому суду. ³¹

Такая позиция вызывает нарекания со стороны самих английских юристов, считающих, что национальный правоприменитель не может произвольно решать, является ли международный договор обязательным для Англии или нет, – только в этом случае «Великобритания снова войдет в круг государств, следующих международным стандартам свобод и справедливости». ³²

Практика применения международного права в национальной уголовной юрисдикции характерна в настоящее время не только для Великобритании, но и для других стран общего права, в том числе США.

Например, согласно разделу 2 ст. 6 Конституции США, «договоры, которые заключены или будут заключены Соединенными Штатами, являются верховным правом страны». ³³ Казалось бы, провозглашение приоритета норм международного права Основным Законом Соединенных Штатов предполагает их непосредственное или имплементированное действие на территории США. Причем первый вариант относится как раз к действию «самоисполнимого договора», не нуждающегося в «утверждении» внутренним законодателем.

Но правоприменитель почти всех стран общего права не признает практики действия «самоисполнимого договора» и требует имплементации последнего в национальное право государства. Так, Л. Хенкин прямо утверждает, что «многие, может быть большинство международных обязательств США... рассматриваются как “несамоисполнимые” и должны включаться во внутреннее право через законодательство или акт исполнительных органов, а потому... это уже не договор, а имплементирующий акт, который является правом страны». ³⁴

Тем не менее отметим, что в странах общего права наметилась тенденция нормативного (статутного) установления преступности деяний, направленных против мира и безопасности человечества, без издания адекватных судебных прецедентов. Так, в Великобритании в 1969 г. был принят Закон о геноциде (Genocide Act), полностью воспроизведший положения ст. II Конвенции о геноциде и установивший минимальный размер наказания в 14 лет тюремного заключения вне зависимости от наличия жертв геноцида. ³⁵

Сенат США, который, одобряя в 1986 г. Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, заявил, что Конвенция не является в США «самоисполнимой», как и другие подписанные США международные соглашения. ³⁶ Вследствие этого в разделе 18

³⁰ Уолкер Р. Английская судебная система. М., 1980. С. 78.

³¹ Waldock H. General courts on public international law // Records of Courts. Vol. 1. 1962. P. 129.

³² Бингем Т. Х. Европейская конвенция о правах человека: время инкорпорации // Правозащитник. 1996. № 4. С. 27.

³³ Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты. М., 1993. С. 8–9.

³⁴ Henkin L. Essays on the Development of International Legal Order. Leyden, 1980. P. 107.

³⁵ Smith J. C. Criminal Law. 10th edition. London, 2002. P. 409.

³⁶ American Journal of International Law. Vol. 80. № 3. 1986. P. 612–622. – Кстати, Конвенция о геноциде была ратифицирована Сенатом США почти через сорок лет после ее подписания Соединенными Штатами.

«Преступления и уголовный процесс» Свода законов США появилась глава 50А «Геноцид», воспроизводящая текст соответствующих статей Конвенции о геноциде.

Основываясь на изложенных рассуждениях и примерах, мы можем утверждать, что нормы международного уголовного права в целом (и о преступлениях против мира и безопасности человечества, в частности) можно расценивать в качестве прямых источников внутреннего уголовного права зарубежных государств.

Тем не менее в странах с различными системами внутреннего права сохраняются определенные различия в решении вопроса о том, каким образом международно-правовые нормы становятся источниками уголовного права. То есть разница состоит не в принципе признания международного права источником права национального, а в способах воздействия (влияния) международно-правовых норм на положения национальных уголовных законов.

Как уже подчеркивалось, в странах континентального права обычным юридическим правилом считается включение во внутреннюю правовую систему вступивших для этих государств в силу международных договоров и обязательств. При этом международно-правовая норма может действовать непосредственно, но чаще она имплементируется в национальное уголовное законодательство.

В странах общего права такой способ действия международного акта уголовно-правового характера, как его непосредственное применение на территории этих государств, обычно исключается. Норма международного права может являться источником уголовного права только при ее имплементации в национальное уголовное законодательство стран общего права. При этом большое (если не большее) значение имеет имплементация международно-правового предписания не столько в статутное право, сколько в судебный прецедент.

Концепция современного уголовного права большинства стран континентальной системы права базируется на идеях примата общечеловеческих ценностей (фактически – международных) над национальными, а следовательно, подчинения национальных правовых систем праву мирового сообщества. К числу отличительных признаков правового государства западные политики и юристы относят не только верховенство закона, но и его соответствие международному праву.³⁷ Несомненно, это в равной мере касается всего отраслевого законодательства развитых стран, в том числе и уголовного.

Действительно, в новейшем уголовном законодательстве европейских стран эти положения получили непосредственное закрепление.

Франция. Концептуальной идеей нового УК Франции является принцип примата международного права над внутригосударственным.³⁸ Международно-правовые нормы стали источниками французского уголовного закона в силу их имплементации во внутреннее законодательство. Причем, как правило, она происходила путем имплементации международной нормы, т. е. ее адаптации в соответствии с национальными особенностями. Такая адаптация нередко носит своеобразный расширительный характер по сравнению с нормой международного договора.

Так, например, УК Франции в книге II «О преступлениях и проступках против человека» содержит раздел I «О преступлениях против человечества», в котором расположена глава I «О геноциде». Статья 211–1 данной главы говорит о том, что «являются геноцидом действия, осуществляемые во исполнение согласованного плана, имеющего целью полное или частичное уничтожение какой-либо национальной, этнической, расовой или религиозной группы или

---

³⁷ См.: Боботов С. В., Васильев Д. И. Французская модель правового государства // Советское государство и право. 1990. № 11. С. 105–112.

³⁸ Крылова Н. Е. Основные черты нового Уголовного кодекса Франции. М., 1996. С. 15.

группы, определенной на основе любого другого произвольного критерия, по совершению или принуждению к совершению, в отношении членов этой группы, одного из следующих действий: умышленное посягательство на жизнь; тяжелое посягательство на физическую или психическую неприкосновенность; установление таких условий существования, которые влекут полное или частичное уничтожение группы; меры, направленные на снижение рождаемости; насильственное перемещение детей».³⁹

Нормы международного права говорят о совершении указанных действий только в отношении «национальной, этнической, расовой или религиозной группы». Данный перечень является, по смыслу нормы, исчерпывающим. В то же время УК Франции допускает совершение таких действий также в отношении «группы, определенной на основе любого другого произвольного критерия».

На наш взгляд, такое понимание геноцида в УК Франции носит расширительный характер по отношению к нормам международного права.

Далее, в УК Франции в связи с подписанием ряда международных соглашений впервые включены нормы о преступлениях против человечества, в том числе о военных преступлениях. Например, ст. 212–1, 212–2 УК Франции в соответствии с положениями Женевских конвенций устанавливают ответственность за такие преступления, как: депортация; обращение в рабство; массовое и систематическое осуществление смертной казни без суда; похищение людей, за которым следует их исчезновение; пытки или акты жестокости, совершенные по политическим, расовым или религиозным мотивам и организованные во исполнение обдуманного плана против группы гражданского населения.

При этом наиболее строго (только пожизненным заточением) караются данные деяния, если они совершены во время войны «против тех, кто борется с идеологической системой, во имя которой совершены преступления против человечества».

Выгодной особенностью французского уголовного закона является возможность наступления ответственности за указанные преступления не только физических, но и юридических лиц (ст. 213–3).

В то же время УК Франции в ряде случаев прямо заимствует то или иное положение из норм международного права. Так, например, определение пытки (ст. 222–6) полностью соответствует ст. 1 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г.

Однако в УК Франции имеется ряд законодательных пробелов, связанных с регламентацией военных преступлений, в частности – наемничества. В книге IV «О преступлениях и проступках против нации, государства и общественного порядка» содержится глава II «О других посягательствах на институты Республики или на неприкосновенность национальной территории». Эта глава включает отдел 3 «О захвате командования, наборе вооруженных сил и подстрекательстве к незаконному самовооружению», где помещены две статьи, имеющие непосредственное отношение к наемничеству.

Статья 412–7 гласит: «Наказывается... набор вооруженных сил без приказа или без разрешения законных властей».

В данной норме бесспорно речь идет о вербовке лиц для создания вооруженных сил. Однако законодатель не указывает на гражданство и на место постоянного проживания набираемых лиц в качестве обязательных признаков указанного состава. Логично предположить, что такими лицами могут быть как граждане Франции или лица, постоянно проживающие на ее территории, так и лица, не являющиеся гражданами Франции и не проживающие постоянно на ее территории. Следствием такого предположения становится утверждение о том, что вто-

---

³⁹ Новый уголовный кодекс Франции. М., 1993. С. 56–57.

рая категория лиц является наемниками, а сама норма в части регламентирует один из составов наемничества.

Еще одной нормой, относящейся к наемничеству, является ст. 413–1. Она содержится в отделе 1 «О посягательствах на безопасность вооруженных сил и на охраняемые зоны оборонного назначения» главы III «О других посягательствах на национальную оборону». В статье говорится: «Осуществляемое с целью нанести ущерб национальной обороне, подстрекательство военных, относящихся к французским вооруженным силам, к переходу на службу иностранного государства – наказывается...»

Указанная статья конкретизирует состав наемников – только военные, относящиеся к французским вооруженным силам. Следовательно, для признания данного преступления наемничеством необходимо, чтобы этих лиц набирали для участия в вооруженном конфликте, участницей которого Франция не является. Ущерб национальной обороне может заключаться и в отсутствии данных военных в составе вооруженных сил Франции. Совокупность трех выше-названных статей и образует (с рядом допущений) регламентацию уголовной ответственности за наемничество во Франции.

Германия. Выгодной особенностью германского уголовного закона является прямое указание в его тексте на то, что «международные Конвенции» имеют преимущественную силу перед национальным законодательством – т. е. конституционное предписание о приоритете норм международного права, по существу, продублировано в самом уголовном законодательстве.

Анализ Особенной части УК Германии также позволяет сделать вывод об имплементации норм международного права о преступлениях против мира и безопасности человечества. Нередко при имплементации нормы международного права в Германии принимается специальный закон о выполнении того или иного международного акта уголовно-правового характера.

В соответствии с международным уголовным правом в раздел 16 УК Германии «Преступные деяния против жизни» был включен § 220а «Геноцид» следующего содержания: «(1) Кто с целью уничтожения полностью или частично национальной, расовой, религиозной или отличающейся своими традициями общности: убивает представителя этой общности; причиняет представителям этой общности тяжелый физический или моральный вред...; ставит эту общность людей в такие жизненные условия, которые могут вызвать физическое уничтожение этой общности полностью или частично; предпринимает меры, направленные на то, чтобы предотвратить рождаемость в данной общности; насильственно перемещает детей данной общности в другие общности – наказывается...»⁴⁰

Нетрудно заметить, что смысловое содержание данной нормы практически полностью совпадает с международно-правовой нормой о геноциде. Особенностью германского уголовного закона является то, что состав геноцида носит не просто формально-материальный характер с точки зрения объективной стороны. В качестве одного из последствий, указанных в диспозиции § 220а УК ФРГ, предусмотрено причинение тяжкого морального вреда представителям той или иной демографической общности. Видимо, это связано с особой оценкой актов геноцида в немецком обществе, где в годы Второй мировой войны геноцид еврейского населения стал одним из основных направлений государственной политики третьего рейха. Покаяние – вот что свойственно германской нации: недаром немецкий уголовный закон при регламентации уголовной ответственности за рассматриваемое преступление как бы «завышает планку» при определении преступности актов геноцида.

---

⁴⁰ Уголовный кодекс ФРГ. М., 1996. С. 134.

Германия, ставшая инициатором двух мировых войн, закрепила в своем уголовном законодательстве преступность как подготовки агрессивной войны, так и подстрекательства к агрессивной войне (§§ 80–80а). Особо подчеркнем, что в немецком УК подготовка агрессивной войны является преступлением, если в такой войне «должна будет участвовать» Германия, так как это деяние «создает опасность войны» для самой Германии.

Наконец, УК ФРГ предусматривает целый ряд преступлений, составляющих нападение на лиц, пользующихся международной защитой. Так, в § 102 говорится о посягательстве на жизнь или здоровье главы зарубежного государства, члена его правительства или аккредитованного на территории Германии главы иностранного дипломатического представительства, если лицо, подвергшееся нападению, находилось в официальном качестве на территории Германии. А в § 103 устанавливается преступность «словесного нападения», т. е. оскорбления указанных лиц.

Испания. Раздел XXIV нового УК Испании («Преступления против международного сообщества») содержит целую систему преступлений против мира и безопасности человечества.

Так, в главе II «О геноциде» расположена соответствующая норма, полностью дублирующая положения Конвенции о геноциде.⁴¹ Особенность УК Испании – прямое указание в национальной норме на то, что в качестве преступления геноцида должно расцениваться хотя бы однократное убийство или причинение вреда здоровью представителя той или иной демографической общности, совершенное с целью полного или частичного уничтожения такой общности. Таким образом, в УК Испании наиболее четко сконструирован такой материальный признак состава геноцида, как «убийство или причинение тяжких телесных повреждений», – для юридической квалификации по названной норме достаточно хотя бы однократного причинения данного последствия (естественно, если деяние совершено с указанной целью).

Очень подробно УК Испании регламентирует ответственность за военные преступления. Так, например, в ст. 608 говорится о том, что «защищаемыми» признаются следующие лица:

1. Раненые, больные и пострадавшие, а также медицинский и религиозный персонал, имеющие защиту по I и II Женевским конвенциям или по I Дополнительному Протоколу;
2. Военнопленные, имеющие защиту по III Женевской конвенции или по I Дополнительному Протоколу;
3. Гражданское население и гражданские лица, имеющие защиту по IV Женевской конвенции или по I Дополнительному Протоколу;
4. Лица, выведенные из строя, и лица, принадлежащие к миротворческим силам, либо те, кто исполняет их обязанности, имеющие защиту по Женевским конвенциям или по I Дополнительному Протоколу;
5. Парламентеры и лица, их сопровождающие, имеющие защиту по II Гаагской конвенции от 29 июля 1899 г.;
6. Другие лица, имеющие защиту по II Дополнительному Протоколу или «по другим международным Договорам, которые подписала Испания».

А в ст. 614 УК Испании указано: «Тот, кто во время вооруженного конфликта совершит или прикажет совершить любое другое нарушение или действие, противоречащее положениям международных Договоров, которые подписала Испания, и относящиеся к ведению боевых действий, защите раненых, больных и пострадавших, к обращению с военнопленными, защите гражданского населения и к охране культурных ценностей во время вооруженного конфликта, наказывается...» Полагаем, что процитированное положение УК Испании представляет собой

---

⁴¹ Уголовный кодекс Испании. М., 1998. С. 183.

норму, которая восполняет все возможные пробелы данной главы и снимает противоречия с международным правом.

Далее, в УК Испании преступными нарушениями международного права, совершаемыми «против международного сообщества», признаются, в частности (ст. 609): 1) убийство находящегося в Испании главы иностранного государства или «другого лица, имеющего международную защиту по Договору»; 2) причинение телесных повреждений вышеуказанным лицам; 3) «любое другое преступление» против этих же лиц, а также против присутственных мест, частной резиденции, средств транспорта указанных лиц; 4) нарушение личной неприкосновенности главы иностранного государства или «другого лица, имеющего международную защиту по Договору».

Польша. О возможности прямого применения международного права при определении преступности того или иного деяния в национальном законодательстве свидетельствует ст. 5 УК Польши 1997 г., говорящая о пределах действия польского уголовного закона – последний не применяется, когда «международным договором, стороной которого является Республика Польша, установлено иное».

Статья 118 УК Польши содержит норму об уголовной ответственности за геноцид: «§ 1. Кто с целью уничтожения полностью либо частично национальной, этнической, расовой, политической, религиозной группы или группы с определенным мировоззрением совершает убийство либо причиняет тяжелый вред здоровью лица, принадлежащего к такой группе, – подлежит наказанию... § 2. Кто с целью, указанной в § 1, создает для лиц, принадлежащих к такой группе, условия жизни, грозящие ей биологическим уничтожением, применяет средства, могущие служить ограничению рождаемости в пределах группы, или принудительно отбирает детей у лиц, принадлежащих к ней, – подлежит наказанию... § 3. Кто совершает приготовление к преступлению, предусмотренному в § 1 или 2, – подлежит наказанию...»⁴²

Уголовное законодательство Республики Польша также расширительно определяет круг потерпевших от геноцида: кроме национальной, этнической, расовой и религиозной группы, потерпевшими от геноцида также являются представители политической группы или группы с определенным мировоззрением.

В польском УК также содержится развернутая система военных преступлений, имплементированных из положений международного права. Так, в ст. 122 установлена преступность нападений на незащищенные местность или объект, санитарную или нейтральную зону во время военных действий, а также «применение иного способа ведения боевых действий, запрещенного международным правом» либо применение запрещенного «средства ведения боевых действий». Сама собой напрашивается аналогия с составом применения запрещенных средств и методов ведения войны.

Далее, в ст. 123 польского УК специально установлена преступность убийств, причинения вреда здоровью, пыток, «жестокого и нечеловеческого обращения», проведения экспериментов в отношении лиц, защищенных Женевскими конвенциями и протоколами (военнопленных, раненых, больных, гражданского населения). Статья 124 устанавливает наказуемость принуждения к военной службе в вооруженных силах неприятеля, а также лишения либо ущемления права лиц, пользующихся защитой Женевских конвенций и Протоколов, на справедливое судебное разбирательство.

В ст. 125, 126 УК Польши запрещено уничтожение, повреждение и похищение памятников культуры в районах, где «идут боевые действия», а также незаконное использование опознавательных знаков Красного Креста и Красного Полумесяца. Таким образом, в ст. 122–

---

⁴² Уголовный кодекс Республики Польша. Минск, 1998. С. 47–48.

126 УК Польши указаны практически все деяния, считающиеся военными преступлениями по международному праву.

Преступность агрессии в польском УК определена тоже самостоятельно («кто развязывает и ведет агрессивную войну – наказывается...» – § 1 ст. 117). Интересно, что УК Польши аналогично российскому считает самостоятельным преступлением против мира «публичные призывы к развязыванию агрессивной войны» (§ 3 ст. 117).

Нападение на лиц, пользующихся международной защитой, признается УК Польши государственным преступлением и сформулировано в следующие составы (ст. 136): 1) совершение «активного нападения» на главу иностранного государства или аккредитованного руководителя дипломатического представительства такого государства, либо лицо, «пользующееся подобной охраной в силу законов, обычаев или общепризнанных международных обычаев»; 2) совершение «активного нападения» на лицо, относящееся к дипломатическому персоналу иностранного представительства, либо консульского служащего иностранного государства в связи с выполнением ими служебных обязанностей; 3) публичное оскорбление вышеперечисленных лиц.

Приведенные выше положения конституционного и уголовного законодательства ряда развитых стран позволяют говорить о том, что, несмотря на терминологическую разницу и особенности восприятия международных норм в странах континентального и общего права, существует определенное единство в регламентации оснований ответственности за преступления против мира и безопасности человечества в уголовном праве различных государств. И «юридическим знаменателем» этого правового явления является общепризнанный приоритет норм международного права, отраженный в конституционном законодательстве России и других цивилизованных стран мирового сообщества. Все это подтверждает (конечно, на частном примере) высказанную в литературе фундаментальную идею о том, что между современными уголовно-правовыми системами России и западных стран гораздо больше общего, нежели различного.⁴³

---

⁴³ Наумов А. В. Сближение правовых систем как итог развития уголовного права XX в. и его перспектива в XXI в. // Государство и право. 1998. № 6. С. 50–58; Флетчер Дж., Наумов А. В. Основные концепции современного уголовного права. М., 1998. С. 508–510.

§ 3. Пределы уголовной ответственности за преступления против мира и безопасности человечества

3.1. Общие положения об ответственности физических лиц за совершение преступлений против мира и безопасности человечества

Принцип индивидуальной ответственности за совершение преступлений против мира и безопасности человечества явился одним из важнейших тезисов Нюрнбергского процесса.⁴⁴ В силу этого принципа, ответственности за совершение указанных преступлений может подлежать только *физическое лицо* в случае, если оно является исполнителем или иным соучастником преступления, а также если оно покушается на преступление. Таким образом, *общий субъект* преступления против мира и безопасности человечества – любой человек, вне зависимости от каких-либо демографических, социальных, имущественных либо иных характеристик, совершивший это преступление и подлежащий ответственности по международному уголовному праву.

В отличие от национальных уголовных законов, практически во всех источниках международного уголовного права отсутствуют какие-либо указания на признаки, характеризующие субъект преступления. В международных актах речь обычно идет о «лице», «всяком лице», «любом лице» – можно утверждать, что смысл *принципа индивидуальной ответственности лица сводится к установлению тождества между понятиями «субъект преступления» и «субъект ответственности».*

Принцип индивидуальной ответственности за совершение преступлений против мира и безопасности человечества нашел свое закрепление в решениях международных судов. Так, например, в одном из приговоров Международного трибунала по Руанде отмечалось, что «индивиды всех рангов, вовлеченные в вооруженный конфликт как в качестве военного командования, так и не в этом качестве... могут подлежать ответственности за совершение военных преступлений только в том случае... когда установлена связь между ними и вооруженным конфликтом...».⁴⁵

Под «лицом» как субъектом преступления по международному уголовному праву надо понимать любого человека, который: а) сам совершил преступное деяние; б) использовал для совершения преступного деяния другого человека (например, при исполнении незаконного приказа).

Национальное законодательство всегда устанавливает возрастной предел, по достижении которого возможно признание человека субъектом преступления и, соответственно, возложение на него обязанности нести ответственность за совершенное преступление (например, ст. 20 УК России). Иначе обстоит дело в источниках международного уголовного права – указание на минимальный юридически значимый возраст, как правило, отсутствует.

Означает ли это, что возраст лица не играет никакой роли? Очевидно, что нет. В силу специфики правоотношения и его реализации в международном уголовном праве, установление возраста уголовной ответственности зависит от национального законодательства государства, осуществляющего юрисдикцию в отношении такого лица.

Международное уголовное право знает исключительный случай, когда непосредственно в тексте его источника имеется указание на возрастной предел субъекта. Такое положение содер-

---

⁴⁴ Волчков А. Ф. Нюрнбергский приговор // Советское государство и право. 1976. № 10. С. 14.

⁴⁵ *Prosecutor v. Kayishema and Ruzindana*. Case № ICTR-95-1. 21 May 1999. § 175.

жится в ст. 26 Римского Статута – «Суд не обладает юрисдикцией в отношении любого лица, не достигшего 18-летнего возраста на предполагаемый момент совершения преступления». Но данное положение относится только к юрисдикции Суда и не мешает осуществлять национальную юрисдикцию над более молодыми лицами, «предположительно» совершившими преступные деяния. В этом случае и более молодой человек (например, в возрасте от 16 до 18 лет – как это установлено в качестве общего правила в ч. 1 ст. 20 Уголовного кодекса РФ) должен признаваться достигнувшем возраста ответственности и нести ответственность за преступление против мира и безопасности человечества.

Вторая неотъемлемая от личности субъекта характеристика – его *вменяемость*, т. е. способность понимать фактический характер своего деяния (действия или бездействия) и свободно руководить им.

В определении вменяемости как юридической категории именно международное право имеет преимущество над, к примеру, российским уголовным законом (где это понятие попросту отсутствует, а его понимание выводится из определения невменяемости). Международный стандарт ООН в области защиты прав человека признает каждого человека вменяемым, пока не доказано обратное (это следует, например, из ст. 16 Международного Пакта о гражданских и политических правах человека 1966 г.).

Следовательно, можно говорить о *презумпции вменяемости* лица, достигшего возраста ответственности: любой человек, достигший возраста уголовной ответственности, считается вменяемым, т. е. понимающим характер своих действий (бездействия) и руководящим ими, пока не доказано обратное.

Исходя из конституционного предписания о приоритете норм международного права над национальным правом, можно утверждать, что положение о презумпции вменяемости действует в уголовном праве тех стран, где ее законодательное определение отсутствует (например, в Российской Федерации).

Отсутствие хотя бы одного из проанализированных признаков исключает возможность признания лица субъектом преступления против мира и безопасности человечества.

Принцип индивидуальной ответственности за совершение преступлений против мира и безопасности человечества предполагает *виновное отношение*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.